

БАРАНОВ РОМАН

СТЕБЕЛЬ ПРОТИВ СНОПА

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

Роман Баранов
Стебель против снопа

«Автор»

2026

Баранов Р. С.

Стебель против снопа / Р. С. Баранов — «Автор», 2026

Нива аккуратно упорядоченное сообщество, где каждый человек стебель в туго стянутом снопе. Артём мечтает о другом мире: небоскрёбах, выборах, звёздах. Его встреча с таинственным торговцем Марком ввергает его в водоворот свободы и лжи. Пытаясь вырваться из коммуны, он получает новое имя Лео, попадает в Карманик город технологий и сделок и оказывается втянут в преступную сеть работоторговли. Преступления и предательство ломают его, но впереди ещё больше откровений: Нива не просто деревня, а узел древней, жестокой системы, способной выжить любой ценой. Роман напряжённый постапокалиптический триллер о способности человека выбирать, даже когда выбор режет как нож. Это история о двух мирах безопасной несвободе и безжалостной свободе и о том, как герой, пройдя через пепел и кровь, становится орудием, зеркалом и одновременно шансом на спасение. Политические интриги и шпионские игры сменяются внутренней борьбой совести: предать дом ради его спасения или стать тем, кем презираешь.

© Баранов Р. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Роман Баранов

Стебель против снопа

Глава

Глава 1. Стебель против Снопа

Дождь барабанил по слюдяным окнам Дома Знаний, превращая мир за стеклом в серо-зелёное месиво. Артем ткнул пером в пожелтевший лист – «Отчет о выжимке рапса, 3-й цикл». Тоска. Такая же серая и липкая, как этот дождь. За окном, невзирая на непогоду, кипела жизнь Нивы : бригада «Вязчиков» помогала старику Сидору чинить крышу амбара; из кузницы доносился ритмичный звон; дети под присмотром Лики гурьбой бежали в столовую, прикрыв головы лубяными коробами. Все знали свое место. Все были "частью". Как стебли в снопу, туго перетянута невидимым, но вездесущим "свяслом".

Артем сжал кулаки. -"Свясло". Символ их «счастливой» несвободы. Добровольной? Ха! Какая добровольность, когда за попытку уйти за границы коммуны – общественное порицание, а то и работа на общих полях под присмотром Вязчиков? Когда каждое слово, каждый вздох подчинён «благу Колоса»? Он мечтал о другом. О том, что описывали в полу-истлевших журналах Эпохи Распада, которые он тайком листал в подвале Дома Знаний. О небоскрёбах, где каждый – хозяин своей жизни. О машинах, мчащихся куда глаза глядят. О "выборе". Не выборе между репой и брюквой на ужин, а настоящем выборе! О «Свободных Городах», где, как шептались, еще теплится огонек той, "настоящей" свободы.

Дверь скрипнула. Артем вздрогнул, судорожно прикрывая журнал с яркой рекламой отчётом о рапсе.

– Артюша? – Голос Деда Гриши был спокоен, как вода в запруде. – Опять в своем подвальном царстве? Пылью древней дышишь вместо свежего ветра с полей.

– Работаю, дед, – буркнул Артем, не оборачиваясь. – Архив упорядочиваю. Память Колоса.

– Память... – Деда Гриша тяжело опустился на соседний табурет. Его морщинистые руки, знавшие и плуг, и весло, легли на стол. – Память – она как зерно. Хранить надо бережно, но прорасти должно лишь то, что на пользу живущим. А не яд, что отравляет корни.

Артем резко обернулся:

– Яд? Знания – яд? Это же история, дед! Как люди жили до! До вашего Свясла!

– До Свясла, внучек, была Смерть, – тихо, но неумолимо сказал старик. Его глаза, обычно добрые, стали твёрдыми, как камень. – Голод. Война всех против всех. Матери, продававшие детей за глоток воды. Мы выжили, потому что "связались". Потому что поняли: один стебель – ничто. Сноп – сила. Ты думаешь, это просто жгут соломы? – Он указал на символ Свясла, вырезанный над дверью. – Это – обруч, сдерживающий хаос. Защита. Жизнь.

– Или тюрьма, – прошептал Артем, глядя в окно, где Лика, смеясь, ловила самого младшего сорванца. Её лицо светилось искренней радостью. "Как она может быть счастлива в этой клетке?"

Деда Гриша вздохнул, звук, похожий на шум ветра в старом рогозе.

– Стеблю всегда кажется, что жгут его душит. Пока не налетит буря, Артюша. Пока не увидит он, как ломаются и гибнут те, кто рвётся в одиночку. – Он поднялся. – Заходи к ужину. Лика пирог с тмином пекла, твой любимый.

Когда дед ушел, Артем снова открыл журнал. На глянцевой странице улыбалась невероятно красивая девушка на фоне сияющего города. "Вот она, настоящая жизнь", – подумал он

с горечью и тоской. "Свобода. Без этих вечных «должен», «мы», «ради Колоса»". Он не знал еще, что очень скоро встретит человека, который расскажет ему о «Свободных Городах» во всех красках. Человека по имени Марк. И что эта встреча перевернет его мир, приведя его к истинному "свету" свободы.

Мельничная запруда встретила Артема хаосом. Вода, обычно лениво переливавшаяся через деревянные лопасти, теперь бурлила грязной пеной, подмывая берег. Десяток мужчин и женщин, по колено в ледяной воде, пытались расчистить затор из веток и тины. Среди них, несмотря на возраст, копался Дед Гриша — его седая борода сливалась с пеной воды, а руки, покрытые старыми шрамами, ловко вытаскивали из потока очередную корягу.

— А, внучек! — крикнул он, заметив Артема. — Бери багор и давай к нам! Вон там, у сваи, самое пекло!

Артем вздохнул, сбросил кожаную куртку на сухой участок берега и, босиком, вошёл в воду. Холод ударил по ногам, как тысяча игл. Он стиснул зубы и взял багор — длинный шест с железным крюком, который дед выковал еще до его рождения.

Работа шла молча, под ритмичный стук топоров, рубили новый упор для плотины, и ругань плотника Семена, чья нога провалилась в подмытую яму. Артем тащил ветки, вытаскивал их на берег, возвращался обратно. Раз за разом. Как поколения его семьи до него. "Вечный круговорот. Никакого выхода", — думал он, глядя, как вода уносит очередную охапку мусора.

— Не так рви, парень! — окликнул его бородач Никита, старший мельник. — Видишь, корень цепкий? Ты его дёрни — он пол плотины за собой потащит. Надо подрезать, по ниточке.

Он протянул Артему нож с коротким лезвием. Тот взял, нехотя. Никита наблюдал, как он аккуратно подрезает корни, освобождая затор.

— Вот так. Терпение и труд — коммуну построят, — усмехнулся мельник. — Ты, Арт, умный парень, это все знают. Но ум — как этот нож. Может и пользу принести, и вред, коли без толку махать.

— Я не машу, — буркнул Артем, возвращая нож.

— Пока нет, — многозначительно сказал Никита и ушел, хромая.

К вечеру затор расчистили. Вода, наконец, потекла ровным потоком, крутя мельничные колеса. На берегу развели костер — сушиться и греться. Женщины раздали краюхи ржаного хлеба с салом и луком. Артем, отойдя чуть в сторону, жевал свою порцию, глядя, как дым костра смешивается с туманом над рекой.

— Не любишь нашу Ниву, парень? — рядом присел Семен.

— Не то чтобы... — Артем поморщился.

— Не ври. Видно. Ты же в Доме Знаний все дни коротаешь, с теми... бумажками. Ищешь что?

Артем насторожился. Семен не был Вязчиком, но в Ниве все друг за другом присматривали. "Забота", называли это.

— Историю. Нашу. Как было... до.

— До Распада? — Семен фыркнул. — Да был бардак, вот и вся история. Люди, как тараканы в банке, друг друга грызли. Пока не осталось почти никого. А мы выжили. Потому что держались вместе. Как вон те. — Он кивнул на группу подростков, которые, смеясь, тащили из воды последние ветки. — Их деды, мои ровесники, младенцами были, когда все горело. А теперь — глянь, какие лбы здоровые. Это ли не чудо?

— Да, чудо. Но почему оно должно означать, что теперь они обречены вечно жить по заветам тех, кто выжил? Почему нельзя идти дальше?

— Ладно, философ, — Семен тяжело поднялся. — Иди к деду. Он тебя ждет у амбара. С новыми книгами, говорил.

Дед Гриша действительно сидел на бревне у Житного амбара, перебирая стопку потрёпанных тетрадей. Увидев Артема, помахал:

— Садись, внучек. Нашел кое-что по твоей части.

— Что это? — Артем присел рядом.

— Дневники. Моей бабки, твоей пра... да чёрт его знает, как считать. Она писала, когда все начиналось. Когда мир рушился. Читай, если хочешь знать "как было до".

Артем взял тетрадь. Обложка была из грубой кожи, страницы пожелтели, но почерк остался четким:

"15 марта. Сегодня в городе начались погромы. Говорят, сожгли мэрию. Люди кричат о "свободе", но ведут себя, как звери. Электричества нет третий день. Магазины разграблены. Мы с Мироном уходим в деревню, к родичам. Боюсь, скоро есть будет нечего..."

"30 апреля. В деревне пока тихо. Но беженцы идут и идут. Некоторые больные. Староста говорит — надо организовываться, иначе все умрем. Сегодня впервые молотили хлеб вручную, всем селом..."

"12 июня. Мирон умер. Защищал амбар от бандитов. Я осталась с малышом на руках. Если не будем держаться вместе, не выживем. Сегодня ставили первые частоколы..."

Артем поднял глаза. Дед наблюдал за ним, молча.

— Это... — Артем не нашел слов.

— Правда, — кивнул дед. — Не книжная. Наша. Ты думаешь, мы выбрали эту жизнь? Она выбрала нас. И мы держимся за нее, потому что знаем цену тому, что было. И тому, что может быть.

Он положил руку на плечо внука:

— Ты не соломинка, Артюша. Ты — рука, что вяжет сноп. Сильная, умная рука. Пойми это.

Артем снова посмотрел на дневник. На страницы, написанные в мире, где не было Нивы. Где не было Свясла. Где царил Распад.

В этот момент с главной улицы раздался крик:

— Чужие у ворот! С караваном!

Дед Гриша нахмурился, быстро поднялся:

— Иди домой, внучек. Пусть старейшины разберутся.

Но Артем уже бежал к воротам, туда, где толпа Нивчан окружила две повозки с потрёпанными тентами. И туда, где высокий мужчина в странном, цветастом кафтане, улыбаясь, размахивал руками, что-то оживленно рассказывая. Его голос, звучный и чуть насмешливый, резал слух после привычного говорка Нивчан:

— ...и вот, друзья мои, мы, скромные торговцы знаниями и диковинками, просим у вас ночлега и, если позволите, возможности показать свои товары! Я — Марк, а это моя сестра Юля. Мы из Вольного Города Карманика, что за Синими Горами!

Артем замер. Вольный Город. То самое название, что мерещилось ему в мечтах. И человек, говорящий о нем так, словно это не миф, а реальность.

Марк повернул голову, и их взгляды встретились. Торговец подмигнул Артему, как старому знакомому, и тот почувствовал, как что-то щёлкнуло в его груди. Как будто только что зацепился багром за что-то важное, что вот-вот унесет течением.

Глава 2: Шепот из-за Гор

Вечерний покой Нивы, пропитанный запахами влажной земли и дыма очагов, был нарушен лишь шепотом ветра в листве да редкими переключками Вязчиков, совершавших обход. Чужаков, Марка и его молчаливую спутницу Юлю, разместили в Гостевом срубе на краю поселения. Старейшины собрались в Доме Совета для обсуждения просьбы о торге в свете рекомендаций Системы. Алгоритм, обработав данные о караване (происхождение, состав груза, поведение при въезде) и сверив с историческими паттернами, выдал вероятный прогноз: "Раз-

решить торг с низким уровнем риска (78%). Рекомендация: Стандартное наблюдение Вязчиков. Мониторинг нестандартных взаимодействий." Решение оставалось за людьми, но вес рекомендации был велик.

Артем не мог усидеть. Слова Марка о «Вольном Городе Карманике» звучали в его ушах навязчивым звоном. Он знал, что Вязчики бдительны, но доверяли своим – его присутствие у Гостевого сруба не вызвало бы немедленного подозрения, лишь мягкое порицание, если заметят. Он прижался к прохладному бревну дома напротив, стараясь быть тенью. Из приоткрытого окна сруба плыл голос Марка, обращенный к Юле, но явно рассчитанный на потенциальных слушателей:

«...удивительное место, Юленька. Такой... упорядоченный покой. Как будто время здесь течет по алгоритмам Системы, а не по солнцу. Все знают свое место. Все полезны. Предсказуемо. Безопасно. Идеально для тех, кто ищет гавань от бурь... или никогда не знал моря.»

«Предсказуемо. Безопасно.» Слова, которые должны были успокаивать, резали Артема как нож. Он чувствовал себя не в гавани, а в тихой заводии, где вода застаивается. Где его путь уже оптимизирован Системой – от архива до, возможно, поля. Где «польза» была выше «мечты».

Тень отделилась от крыльца. Марк потягивался, его яркий кафтан казался вызовом сдержанным тонам Нивы. Он заметил Артема и улыбнулся – тепло, без явной насмешки, но с легким огоньком любопытства.

– Не спится, хранитель древних свитков? Или Система рекомендует вечерние прогулки для оптимального метаболизма? – Шутка прозвучала легко, но в ней угадывалось знание о незримом дирижёре жизни Нивы.

– Карманик... – выдохнул Артем, минуя шутку. – Вы говорили... там иначе?

– Иначе? – Марк спустился, его шаги были бесшумны на утоптанной земле. – Карманик – это глоток свежего воздуха, друг мой. Да, у нас есть свои системы, свои правила. Но они... гибче. Они служат людям, а не формируют их жизнь до мелочей. Система ваша – она как заботливая, но чересчур строгая нянька. Все рассчитает, все предусмотрит, не даст оступить... и не даст взлететь. – Он посмотрел на звезды, внезапно появившиеся в разрыве туч. – Видишь эти звезды? В Карманике есть обсерватории. Любой может прийти и посмотреть. Узнать. Задать вопросы Вселенной. А не только Системе о квоте на семена свеклы.

Артем почувствовал, как сжимается горло. Доступ к звездам... Не как к ориентирам для посева, а как к тайне.

– А связь? – спросил он почти шепотом. – Как вы общаетесь? Если что-то срочное? Не с гонцом же?

Марк оглянулся по привычке – и достал из складок кафтана небольшой плоский предмет, обернутый в мягкую кожу. Развернул. В лунном свете блеснуло темное стекло, обрамленное металлом.

– Это комлинк. Личный. Не для того, чтобы докладывать Системе о каждом чихе, а чтобы говорить с тем, с кем хочешь. Когда хочешь. О чем хочешь. Без записи в общий лог «для оптимизации социальных связей». – Он уловил взгляд Артема. – Да, я знаю, что у вас все взаимодействия фиксируются «для анализа эффективности коммуны». Здесь же... – он легонько стукнул пальцем по стеклу, – есть место и для секретов. Для личного.

Личное. То, чего так не хватало. Артем представлял, как Система анализирует его редкие разговоры с Ликой, его споры с дедом – все ради «оптимизации». А тут – тайна. Принадлежащая только ему.

– Знания... – проговорил Артем. – У вас... можно узнать все? Не только то, что Система считает «полезным для агронома»?

Марк засмеялся, но в его смехе не было злобы.

– Знания? В Карманике они льются рекой! Открытые архивы, дискуссионные клубы, нейросети-советчики! Хочешь изучать древние языки? Пожалуйста! Мечтаешь о проектах летающих машин? Дерзай! Система Карманика не скажет тебе: «Твой профиль эффективности предполагает карьеру копателя картофеля». Она даст инструменты, а выбор – за тобой. – Его голос стал серьезнее. – Здесь же твоя судьба уже оптимизирована. Просчитана. Ты – элемент схемы. Удобный. Предсказуемый. Но разве ты не чувствуешь, что можешь больше?

«Элемент схемы». «Удобный». Слова падали, как камни. Он видел свой вероятный путь в отчётах – цифры, проценты, но не его мечты.

– Машины... – вдруг вспомнил Артем. – У вас их много? Безлошадных? Почему у нас... их берегут так?

– Система бережёт ресурсы, – ответил Марк, и в его глазах мелькнуло что-то жесткое. – Энергия, запчасти... и человеческий потенциал. Зачем тратить машину, если можно послать десяток парней с лопатами? Это же «эффективно»! Так? – Он передразнил безличную логику. – Но это тупик, Артем. Технологии должны освобождать человека для нового! Для мысли! А не закапывать его в рутине, потому что так оптимальнее для общего дела.

Рука Марка легла на плечо Артема. Не давя, а скорее, как знак доверия между заговорщиками.

– Послезавтра я уезжаю. Система, думаю, даст добро на торг – мы тихие. Приходи. Посмотри, что я привез. Увидишь кусочек иного мира. А потом... – Марк наклонился, его шепот стал интимным, теплым. – Если захочешь узнать больше... если захочешь попробовать ту свободу... я покажу тебе путь. Есть способы... обойти излишнюю заботу вашей "няньки". На время. Договорились? Только между нами.

Он исчез в срубке. Артем остался один. Шепот Марка о свободе выбора, о личных секретах, о мире без predetermined оптимизации смешивался с привычным, глубоким чувством долга перед Нивой. Но впервые это чувство пошатнулось. Он хотел не просто быть полезным элементом. Он хотел быть собой. И Марк давал ключ.

В Доме Совета Старейшина Вера просматривала последний аналитический отчет Системы перед сном. Среди сухих данных об урожае и запасах энергии ее внимание привлекла одна строка:

"Паттерн взаимодействия: Объект 'Артем, ID-447' / Объект 'Марк, G-7'. Аномалия: Длительный неформальный контакт в не регламентированное время вне зоны общих интересов. Вероятность негативного влияния: 65%. Рекомендация: Усилить неформальное наблюдение Вязчиков. Мониторинг эмоционального состояния объекта 'Артем'."

Вера нахмурилась. Она доверяла своим, Артем был плоть от плоти Нивы. Но Система редко ошибалась в вероятностях. Она сделала пометку в своем личном планшете – поговорить с Дедом Гришей завтра. Доверие – основа Нивы, но бдительность – ее щит. И этот щит сейчас нацеливался на одного из их же сыновей, чье сердце заморозил сладкий шепот из-за Синих Гор.

Артем тайком зашёл в дом, Дед Гриша сидел на краю его кровати, медленно перебирая чётки из дубовых бусин – подарок за сорок лет безупречной службы. В свете масляной лампы его морщины казались глубже, а глаза мудрее, чем обычно.

— Слыхал, ты с тем торговцем говорил, — начал он негромко, не упрекая, просто констатируя. — Марком, кажется.

Артем, уже готовившийся к нотации, напрягся. Но дед лишь протянул ему чашку тёплого травяного отвара.

— Система отметила «нестандартное взаимодействие», — продолжал старик. — Не нарушение. Просто... аномалию.

— Я просто спросил про их город, — виновато произнёс Артём, но тут же пожалел. Дед заслуживал честности. — Он... рассказывал про машины. Про библиотеки, где хранятся все знания мира.

Дед Гриша кивнул, как будто ожидал именно этого.

— Машины, — повторил он задумчиво. — В архивах Дома Знаний есть чертежи таких. От Эпохи Распада. — Он сделал паузу, давая словам осесть. — Знаешь, почему мы их не строим?

Артём промолчал.

— Потому что Система считает: одна такая машина съест столько энергии, сколько хватит Ниве на месяц. А если каждый захочет летать? — Дед аккуратно поставил чашку на пол. — Мы выбирали: горстка избранных в небе или сытость для всех на земле. Выбрали второе.

— Но почему вообще нельзя хотеть больше?! — вырвалось у Артёма.

Дед взглянул на него с печальной улыбкой.

— Можно. Но тогда будь готов платить цену. — Он ткнул пальцем в стену, за которой угадывался тёмный силуэт мельницы. — Моя сестра, твоя тётя Агафья, ушла с такими же торговцами тридцать лет назад. Мечтала «увидеть мир». Через полгода её нашли в развалинах старого города. С пустым желудком и полным ранцем ненужных безделушек.

Он встал, потянулся спиной с хрустом.

— Система не запрещает мечтать, внучек. Она просто напоминает: за каждым «хочу» стоит «чем платить». А теперь спи. Завтра много дел.

Лампа погасла. Артём лежал в темноте, чувствуя, как слова деда оседают камнем где-то под рёбрами. Но там же, глубже, теплился огонёк: «А если они ошибаются? Если можно и летать, и не голодать?»

За окном, в чёрном бархате ночи, мерцали те самые звёзды, которые в Карманике, по словам Марка, можно было рассмотреть в телескоп. Без разрешения. Просто потому, что хочется.

Утреннее солнце золотило бревенчатые стены амбаров, когда Артём протиснулся сквозь толпу к торговым рядам. Марк уже разложил свой товар на грубом холстяном полотне, а вокруг столпились Нивчане – кто с любопытством, кто с опаской.

— Друзья мои! – воскликнул торговец, ловко подбрасывая в воздух складной нож с зеркальным клинком. – Видите? Легче пера, но режет старую кожу, как масло! В ваших кузнях таких не выкуют – сплав особый, забытый со времён Распада!

Нож перелетел в руки кузнеца. Тот покрутил его, нахмутив чёрные брови:

— Лёгкий, да... А долго ли держит заточку?

— Дольше, чем память обиды, – с лукавой улыбкой парировал Марк, и несколько женщин засмеялись.

Артём замер у края прилавка. Среди безделушек он сразу заметил комлинк – тот самый, что скрывал вчерашний разговор. Рядом лежала странная плоская коробочка с линзой.

— А это что? – не удержался он, указывая.

— Ага! – Марк оживился, будто ждал именно этого вопроса. – Кинетоскоп карманный. Поймай луч солнца – и увидишь, как оживают картинки!

Он щёлкнул крышкой, направил линзу на свет – и на белом экране внутри коробки затрепетало изображение: птица, взмывающая в небо. Толпа ахнула.

— Чудо! – прошептал кто-то сзади.

Артём не сводил глаз с устройства. В Ниве даже простые проекторы берегли для собраний – а тут целый мир в коробке!

— Как она... летит? – выдохнул он.

— По законам физики, друг мой, а не по указке Системы, – тихо сказал Марк, лоя его взгляд.

В этот момент у соседнего прилавка грохнулся чан с мёдом. Вязчик Добрыня бросился помогать переворачивать его, загородив собой всю суматоху. Марк, не теряя улыбки, сунул комлинк Артёму прямо в руку – под предлогом передачи кинетоскопа на проверку.

— Держи, испытатель, – громко сказал он, а затем, шепотом: – Код доступа – «Рассвет», "Проект Икар". Не в Ниве. Только в укрытии.

Артём судорожно сунул устройство за пазуху. В глазах темнело от адреналина. Он украл? Принял запретное?

— Артём?

Он обернулся. Лика стояла в двух шагах, держа в руках моток ярко-синих ниток – таких в Ниве не делали. Её глаза бегали от его дрожащих рук к лицу Марка и обратно.

— Ты... что-то взял у него? – прошептала она.

— Безделушку, – выдавил он. – На память.

Лика потянулась к его рукаву, но он резко отстранился.

— Старейшины не зря ставят Вязчиков, – тихо сказала она. – Эти люди... они не наши.

— А кто «наши»? – внезапно зашипел Артём. – Те, кто боится даже картинка летящей птицы?

Её лицо исказилось от боли. Он видел и хотел взять слова обратно, но комлинк жёг грудь, а в ушах звенело: «Рассвет. Только в укрытии. Проект Икар».

— Прости, – бросил он и бросился прочь, чувствуя, как что-то важное рвётся между ними навсегда.

Сушилка. Запах пыли и сухих трав. Дрожащие пальцы вводят код.

Экран оживает:

«Добро пожаловать в сеть Карманника».

Где-то за спиной, в реальном мире, Добрыня осторожно приоткрывает дверь, видя голубоватый отсвет. Где-то Лика плачет, сжимая синие нитки. А в крошечном экране – вся Вселенная, которая ждёт.

Артём тыкает в строку поиска. Первое, что приходит в голову:

«Почему Система запрещает машины?»

Ответ приходит мгновенно.

Экран комлинка выдал текст, который заставил сердце Артема колотиться как бешеное:

"Официальная причина: чрезмерное энергопотребление. Реальная причина: невозможность контроля. Машина означает:

1. Свободу передвижения
2. Возможность покинуть зону влияния Системы
3. Потерю управляемости населения"

Артемом облизнул пересохшие губы. Его пальцы дрожали, когда он набрал новый запрос: "Проект Икар"

Перед ним развернулись чертежи. Схемы. Расчеты. То, что в Ниве называли бы "ересью" и "опасными фантазиями". Компактный двигатель, работающий на переработанных биотопливных элементах. Легкий каркас из композитных материалов. Даже примерные маршруты для первых испытательных полетов.

"Современные материалы позволяют сократить энергопотребление на 70% по сравнению с дораспадными аналогами. При наличии доступа к производственным мощностям средней руки..."

Артемом оторвался от экрана, услышав скрип половицы. Дверь сушилки была приоткрыта, и в щели виднелась тень. Кто-то стоял снаружи. Замер. Слушал.

Он резко выключил комлинк. В темноте сушилки стало тихо настолько, что слышалось биение собственного сердца. Тень за дверью не шевелилась.

- Артем? - раздался голос Добрыни. - Ты там?

Артем не дышал. Ладонь, сжимающая комлинк, покрылась липким потом.

- Я... да, - наконец выдавил он. - Просто... травы проверяю. Для бани.

Долгая пауза. Потом шаги отошли от двери, но Артем знал - теперь за ним будут следить. Доверие Нивы, то самое, что позволяло жить без камер и прослушки, дало трещину.

Когда шаги затихли, он снова включил устройство. На экране мигал значок нового сообщения:

"Вижу, ты заинтересовался. Если хочешь узнать больше - найди старую метеостанцию к северу от мельницы. Координаты 56.342. Там есть кое-что для тебя. Но будь осторожен - выходи только ночью. М."

Артем стер сообщение и выключил устройство. Теперь у него был выбор. Вернуться к деду, к Лике, к жизни "оптимизированного элемента". Или...

Он посмотрел на узкую полосу света под дверью. Скоро вечер. Скоро ночь. Скоро - первый шаг к настоящей свободе.

За окном, над крышами Нивы, высоко в небе кружила одинокая птица. Как та самая, из кинетоскопа. Как та, что теперь навсегда поселилась в его сердце.

Глава 3: Побег под крыльями ночи

Ночь Артём не спал. Ночь он притворялся спящим, пока дед Гриша тяжело вздыхал в своей кровати, а за окном Вязчики завершали последний обход.

Чуть погода когда луна скрылась за тучами, а ветер заглушал шаги — он двинулся.

План был прост: Через огород к старому дуплистому дереву, где лежал узелок с сухарями и кожаной флягой. По тени конопляника — к северной стене, где доски сгнили и поддавались напору плеча. Вперёд, к метеостанции. К обещанному Марком «подарку».

Но Нива, даже ночью, не отпускала так легко.

Огород. Артём замер, услышав скрип двери бани. Оттуда вышла Лика — босая, с распущенными волосами, неся ведро с горячей водой. «Не спит...» Он прижался к земле, чувствуя, как комлинк жжёт ему бок.

Она остановилась в трёх шагах, будто почувствовала его. Вздохнула. И вдруг тихо сказала в темноту:

— Я не стану их звать. Но если ты уйдёшь... помни, что Система не прощает предателей.

Артём не дышал.

— И... возьми это. — Она бросила свёрток в его сторону. Внутри — полосатый платок её матери (на удачу) и карта окрестностей украденная из Дома Знаний.

Когда её шаги затихли, Артём разжал зубы. «Она знала. Всегда знала.»

Стена.

Гнилые доски поддались с тихим хрустом. Артём выскользнул в щель, чувствуя, как Система где-то в глубине своих алгоритмов уже отмечает аномалию: «Объект ID-447 вышел за периметр в не регламентированное время».

Но тревоги не было. Пока.

За стеной — свобода. И... Добрыня, курящий трубку в тени.

— Думал, не дождусь, — хрипло рассмеялся Вязчик. — Ладно, беги, дурак. Только знай: если они тебя поймут — мы с тобой не виделись.

— Почему... ты...?

— Потому что я тоже когда-то стоял у этой стены. — Добрыня плюнул в траву. — Вернулся через неделю. Голодный. Узнаешь ли ты себя в зеркале, Артёмка?

Он развернулся и ушёл, оставив дверь в мир приоткрытой.
Метеостанция.

Заброшенная вышка стояла в километре от Нивы. Ржавые приборы, разбитое стекло. И... рюкзак с жёлтой нашивкой (знак Карманика).

Внутри:

- Фонарь с синим фильтром (невидимый для датчиков Нивы)

- Карта с маршрутом до Синих Гор (3 дня пути)

- Письмо: «Беги вдоль реки. На третий день увидишь чёрный дуб — там наш человек.

Не включай комлинк до сигнала (жди синий огонь). Удачи. М.»

Артём обернулся. Нива — всего лишь тень на горизонте. Там, в тёплых домах, спят люди, которые назовут его предателем.

Он сделал шаг вперёд.

Система наконец среагировала: где-то далеко за спиной завывала сирена тревоги. Но было поздно.

Птица настоящая, не из кинетоскопа сорвалась с ветки над его головой и взмыла в ночное небо. Артём побежал за ней.

Ветер свистел в ушах, хлестал ветками по лицу. Артем бежал, не разбирая дороги, подгоняемый жутким воем сирены Нивы. Каждый крик совы казался предупреждающим голосом Вязчика, каждый хруст ветки под ногами — грозным топотом погони.

«Они близко!» — стучало в висках. «Всей общиной! С собаками! Дед Гриша приказал!»

Он споткнулся о корень, упал лицом в мокрую листву, мгновенно вскочил и рванул в сторону, к шуму реки. Сердце колотилось, как пойманная птица. В глазах темнело от нехватки воздуха и дикого страха. Он представлял ярость Старейшины Веры, холодные глаза Добрыни (хотя тот отпустил его!), слезы Лики, превратившиеся в крик ненависти.

Картины погони вспыхивали в мозгу ярче реальности: Свет фонарей: За спиной мелькали желтые пятна — Вязчики с мощными ручными фонарями! Он нырнул в кусты папоротника, прижался к земле, чувствуя, как грязь впивается в колени. Свет скользнул мимо, осветил ствол сосны... и погас. «Мимо... пока». Лай собак: Сквозь шум реки пробивался отрывистый, злобный лай! Знаменитые Нивские овчарки — умные, выносливые, безжалостные к чужакам! Артем рванул к воде, молясь, чтобы течение сбilo след. Он влетел по колено в ледяную воду, спотыкаясь о камни. Лай стих, растворившись в шуме реки. «Сбил? Или они хитрее?» Голоса: "Туда! В кусты! Вижу его!" — отчетливо долетел голос, похожий на голос кузнеца. Артем замер за толстым буком, судорожно хватая ртом воздух. Он сжал в руке нож — простой Нивский складень, не чета блестящему клинку Марка. «Придется драться...» Но голоса не приближались. Только ветер шелестел листвой, насмешливо повторяя: "Вижу... вижу..." Свист стрелы: Резкий звук рассек воздух у самого уха! Артем вскрикнул, шарахнулся в сторону. Его ладонь судорожно потянулась к мочке уха — цела, суха. Ни крови, ни стрелы. Лишь сук, с треском сломавшийся под тяжестью мокрой хвои. «Почти...»

Он бежал, спотыкаясь, падая, царапая лицо и руки о ветки. Рюкзак Марка бил по спине, комлинк жёг кожу на поясе. Физические силы таяли с каждым шагом, но страх подстёгивал, рисуя новые кошмары:

Впереди, на тропе, встала тень с топором — Дед Гриша? Артем свернул в чашу, потеряв направление.

Слева мелькнуло что-то яркое — платок Лики? Значит, она ведет их! Предала!

Справа зашевелились кусты — точно Вязчики заходят в обход!

"Оставьте меня!" — хрипло закричал он в ночь, срываясь на визг. "Я уйду! Я не ваш враг!"

Ответом был только вой ветра и нарастающий гул в собственных ушах. Он бежал еще минут десять, пока ноги не подкосились окончательно. Артем рухнул на мягкий мох у под-

ножия огромной ели, судорожно глотая воздух. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Тело дрожало от пережитого ужаса и нечеловеческой нагрузки.

Тишина.

Он ждал. Ждал, что вот-вот из темноты выскочат фигуры с фонарями, набросят сеть, свяжут. Ждал окриков, лая, свиста стрел.

Ничего.

Только шум реки где-то слева. Шелест листьев над головой. Звуки ночного леса, знакомые и чужие одновременно. Ни огоньков. Ни шагов. Ни ловушек.

Артем медленно, с трудом поднял голову и огляделся. Он был один. Совершенно один. В темном, безмолвном лесу.

Осознание ударило, как обух по голове:

Сирена выла не из-за него. Может, это был сигнал к смене караула? Или ложная тревога? Или... просто ветер в трубах?

Никто не высылал погони. Ни Добрыня, ни тем более Дед Гриша не бросились его ловить. Система зафиксировала его уход... и, возможно, просто отметила это. Как статистику. Как аномалию с низким приоритетом.

Все "преследователи" были в его голове. Продуктом бессонной ночи, адреналина, страха предательства и, возможно, того самого "подбадривающего" компонента в письме Марка. Он бежал от теней, сотканных его же паникой и чувством вины.

Горький, истерический смех вырвался у него наружу. Он смеялся до слез, до боли в боку, валяясь на мху. Он потратил последние силы, изранился, накричал в пустоту... а Нива просто... отпустила его. Как ненужный сор. Как сломанный инструмент, который не стоит чинить. Система посчитала его потерю приемлемой.

Когда смех стих, наступила пустота, страшнее любого страха. Он был свободен. И абсолютно один. Нива, со своей сытостью, теплом и оптимизацией, осталась позади. Впереди – Синие Горы, Карманик, летающие машины... и холодная, безразличная неизвестность. И путь туда он начал с того, что чуть не загнал себя до смерти, спасаясь от призраков.

Артем перевернулся на спину, глядя в узкую полоску неба между еловых лап. Там, высоко-высоко, плыла та самая одинокая птица. Но теперь она казалась ему не символом свободы, а таким же одиноким и, возможно, потерянным существом, как он сам. Он зажмурился, чувствуя, как по щеке катится не то пот, не то слеза. Силы кончились. Пусть хоть настоящие волки придут – он не сможет бежать. Он мог только лежать и ждать рассвета, гадая, что страшнее: погоня, которая оказалась миражом, или эта ледяная, равнодушная свобода.

Глава 4: Синий огонь.

Три дня Артём шёл вдоль реки, как велело письмо. Три дня его преследовали тени:

Голод: Сухари кончились в первый же вечер. Ягоды в лесу были незнакомы, рыбу без снастей не поймать. Он жевал кислый шавель, выкапывал корни – всё, что вспомнил из детских уроков выживания, которые Система Нивы считала "избыточными знаниями".

Страх: Каждый шорох в кустах казался мародёром или хищником. Ночью он забирался на деревья, привязываясь ремнём к ветке, а комлинок под платком Лики жёг карман, как уголь. Включить? Нет. Жди сигнала. Синий огонь.

Сомнение: Мысли о тёплой печи в доме деда, о запахе хлеба из столовой, о спокойных глазах Лики терзали сильнее голода. А что, если Марк обманул? Если Карманик – мираж?

На закате третьего дня он увидел Чёрный Дуб.

Он стоял на холме, как мрачный страж. Ствол – обугленный, будто переживший удар молнии, крона – скрюченные, голые ветви, резко контрастирующие с сочной зеленью вокруг. Координаты сходились. Место встречи.

Артём спрятался в кустах орешника в сотне шагов от дерева. Сердце бешено колотилось – от усталости, голода и надежды. Скоро. Скоро будет синий огонь. И человек. И еда. И ответы.

Он ждал.

Первый час: Прислушивался к каждому звуку. Крики сов, шелест мыши в траве, далёкий вой, волк? Или ветер?. Ни огня. Ни людей.

Второй час: Начал рисовать в воображении образ "человека из Карманика". Молодой инженер? Суровый проводник? Женщина с умными глазами, как у Юли? Он принесёт тёплую одежду. И мясные консервы. И скажет: "Молодец, что дошел".

Третий час: Сумерки сгустились в настоящую ночь. На небе зажглись звёзды – холодные, безразличные. Артём достал комлинк. Экран был чёрным. Синий огонь ещё не зажгли. Надо ждать дольше.

Четвёртый час: Холод пробирал до костей. Голод сводил желудок спазмами. Надежда таяла, как роса на траве. Может, он опоздал? Может, человек пришел днём и ушёл?

Пятый час: Отчаяние. Он выполз из кустов, подошёл к самому Чёрному Дубу. Обшарпал кору руками – нет ли тайника? Знака? Записки? Ничего. Только мертвая древесина и запах тлена. "М. Писал: 'Увидишь чёрный дуб — там наш человек'. Где он?!"

И тогда он увидел.

Не синий огонь. Не сигнал.

В лунном свете, у подножия дуба, валялось несколько гильз. Латунные, блестящие, чужие. Не охотничьи – слишком крупные. Рядом – клочок окровавленной ткани, прилипший к колючему репейнику. И чуть поодаль, втоптаный в грязь – металлический жетон с выгравированной молнией, пронзающей гору. Тот же символ, что и на рюкзаке Марка.

Артём поднял жетон. Он был погнут, будто от удара. На обратной стороне – царапины и тёмное пятно, похожее на засохшую кровь.

Сейчас Артём знал только одно: его не ждут.

Надежда, что горела в нём три дня пути, погасла. Погасла так же внезапно и беспощадно, как должен был погаснуть синий сигнальный огонь. Он остался один. В чужом, враждебном мире. С комлинком, который нельзя включать. С картой к Синим Горам, до которых ещё два дня пути через незнакомую, опасную землю. И с пустотой внутри, страшнее голода и холода.

Он сжал окровавленный жетон в кулаке до боли. Горечь подкатила к горлу. Он хотел закричать на спокойные звёзды, на чёрное дерево-свидетель, на Марка, на Систему, на весь несправедливый мир. Но из груди вырвался лишь сдавленный стон, похожий на вой раненого зверя.

Артём опустился на корточки у подножия дуба, спрятав лицо в колени. Платок Лики пах пылью и отчаянием. Он был свободен. И он был потерян. Дорога назад в Ниву была отрезана позором и сиреной. Дорога вперёд – в Карманик – вела сквозь гильзы и кровь неизвестного.

Тогда он сделал единственное, что оставалось. Поднялся. Вытер лицо грязным рукавом. Сунул жетон в карман рядом с комлинком. Взглянул на карту, прикинул направление по звёздам (ещё одно "избыточное" знание от Системы). И шагнул прочь от Чёрного Дуба – не бегом, как от мифической погони, а медленно, тяжело, но вперёд. В ночь. В неизвестность. Потому что останавливаться – значило умереть. А он слишком много прошёл, чтобы сдаться у какого-то проклятого дерева.

Два дня после Чёрного Дуба слились в кошмар голода, холода и паранойи. Артём шёл, почти не останавливаясь, подгоняемый страхом стать мишенью для невидимых врагов или просто свалиться от истощения. Лес сменился холмистой степью, поросшей жёсткой, выгоревшей травой. Синие Горы, бывшие далёкой дымкой, теперь встали на горизонте грозными, зуб-

чатыми тенями. Они были уже близко. Карманик – где-то у их подножия. Последний оплот надежды.

Он спускался в лощину, где журчал ручей, когда увидел дымок. Тонкая, едва заметная струйка поднималась из-за валунов у воды. Артём замер. Люди. Первые живые люди за много дней. Страх сжал горло. Мародеры? Охотники? Но запах... запах тушёного мяса, слабый, едва уловимый, ударил в ноздри, заставив желудок сжаться мучительной судорогой. Голод пересилил осторожность.

Он вышел из-за кустов, подняв руки, чтобы показать, что не вооружен (хотя складень был за поясом). У ручья, у небольшого костра, сидели трое.

Старик: Сухой, как щепка, с лицом, изрезанным глубокими морщинами. Сидел, чинил что-то похожее на силок.

Мужчина лет сорока: Коренастый, с бычьей шеей и потёртой кожей. Помешивал котелок над огнём – оттуда и шёл тот божественный запах.

Парень лет шестнадцати: Худой, с испуганными глазами, быстро вскочил, увидев Артёма.

– Мир вашему дому, – хрипло выговорил Артём, вспоминая старую путниковую сказку. Голос был чужим, срывающимся. – Я... заблудился. Голодный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.